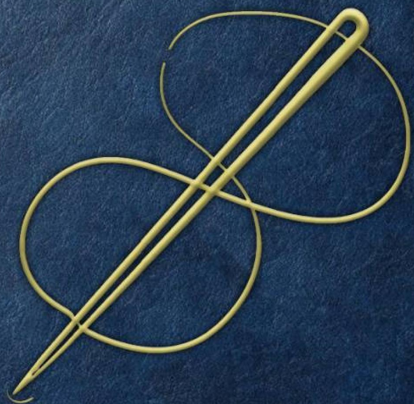

Махай перенесет как забытых душ

Автор:

Борогин Вячеслав Дмитриевич

Бор1

Илья Дмитриевич Бородин

Тихий переплетчик

забытых душ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73270263

SelfPub; 2026

Аннотация

Молчание – самая громкая история.

Ансельм – переплётчик, слышащий голоса, запертые в старых книгах. Его рутина рушится, когда в дверь стучится беззвучный крик – пустой синий переплёт, пропитанный ужасом погибшего корабля «Сирена».

Это не было кораблекрушение. Это было ритуальное убийство, санкционированное тайным обществом. Теперь их наследники следят за каждым шагом Ансельма. Чтобы спастись и рассказать правду, он должен сделать невозможное: переплести расследование с собственной памятью, где спрятан ключ ко лжи столетней давности.

Иногда, чтобы спасти мёртвых, нужно похоронить часть себя.

Содержание

Пролог: Запах истории	4
Глава 1: Посылка без адресата	6
Глава 2: Пыль на фолианте	10
Глава 3: Тишина в архивах	20
Глава 4: Доктор Шоу и хронометр лжи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Илья Бородин

Тихий переплетчик

забытых душ

Пролог: Запах истории

История пахнет. Это первое, что понимаешь в мастерской Переплетчика.

Не просто пылью и старым клеем. А тысячами запахов, застрявших в волокнах бумаги, ввевшихся в кожу переплетов. Здесь пахнет пылью дорог из трактата XVII века, духамижены французского офицера с её любовных писем, сладковатым дымом костра из сожженного еретического манускрипта, слезами на страницах дневника девочки-подростка.

Архив запахов. Банк памяти мира.

Ансельм, сам Переплетчик, давно перестал их замечать. Для него они были просто... текстурой. Фоном. Как для скрипача – шелест собственного смычка. Он двигался в своем царстве тихо, почти бесшумно. Его руки, покрытые сетью тончайших шрамов от бумажных порезов и следов от иглы,

скользили по стопкам бумаги, по корешкам, по кускам кожи и ткани с точностью хирурга. Он не просто чинил книги. Он проводил сложнейшие операции по спасению жизней. Потому что каждая книга – это жизнь. Иногда – одного человека. Иногда – целой эпохи.

Окна в его подвальной мастерской всегда были слегка запотевшими, отсекая яркий и суетливый мир снаружи. Здесь царил свой свет: теплый, янтарный, от старой лампы с зеленым абажуром, и холодный, серебристый – от неона, под которым Ансельм работал с мельчайшими деталями. Здесь время текло иначе, замедлялось, застревало в позолоте обрывов и между строчками, навеки вписанных чьей-то дрожащей рукой.

Он думал, что ничто не может вывести его из этого ритма, этого почти монашеского существования. Пока однажды, глубокой осенью, когда дождь стучал по стеклу как дробь тысячелетних посланий, дверной колокольчик не звякнул иначе.

Не звонко и наспех, как у курьеров. А тихо, протяжно, словно вздох.

Глава 1: Посылка без адресата

На пороге стояла женщина. Её нельзя было назвать красивой в общепринятом смысле. Она была... запоминающейся. Лицо – бледное полотно, на котором глаза казались слишком большими, слишком темными, как два глубоких омута, куда падали все отблески дождя и света от лампы. Она была завернута в плащ цвета влажного асфальта, и с его плеч стекали капли, образуя на полу темное, бесформенное озеро.

– Ансельм? – её голос был низким, чуть хрипловатым, словно от долгого молчания.

Он просто кивнул, вытирая руки о льняной фартук.

– Мне сказали, что вы... возвращаете вещам их голос.

– Я реставрирую книги, – поправил он, не любя высокопарных формулировок.

– Эту – не нужно реставрировать. Её нужно... услышать.

Она протянула ему не книгу, а прямоугольный сверток, обернутый в грубый, вощенный холст. Ансельм принял его. И тут же почувствовал.

Запах.

Сверток пахнул. Морем. Не свежим, соленым бризом, а морем глубоким, холодным, с придонной тиной и ржавчиной. Пахнул пеплом. Не камина, а больших пожаров, поглощавших всё. И еще... еще он пах одиночеством. Таким острым и конкретным, что Ансельм чуть не отпустил сверток. Это был не метафорический "запах одиночества". Это была смесь запахов пустого дома: пыль на незастеленной кровати, застоявшийся воздух, кисловатый оттенок невымытых чашек в раковине.

– Что это? – спросил он, и его собственный голос показался ему чужим.

– Откройте, – просто сказала женщина. – Я вернусь через неделю.

Она ушла, растворившись в серой пелене дождя, так же внезапно, как и появилась. Ансельм остался один с тайной в руках.

Развернув холст, он увидел переплет. Только переплет. Толстые, массивные деревянные доски, обтянутые потертой, почти лысой кожей темно-синего, почти черного цвета. Металлические уголки и застежка – тусклая, почернев-

шая бронза, украшенная странным узором: не цветами и не геральдическими лилиями, а чем-то, напоминающим волны, переплетенные с языками пламени. Внутри – ничего. Ни страниц, ни шнуров, на которые они были бы нанизаны. Только пустота. Только дерево и кожа, скрепленные вместе, как пустая раковина, из которой ушло море.

Но когда Ансельм поднес переплет к лицу и закрыл глаза, мир вокруг рухнул.

Он не увидел образов. Он *почувствовал*. Вспышку ослепительного, белого света на воде. Грохот, который был скорее ударом в грудную клетку, чем звуком. Ледянящий холод, обжигающий легкие. Крик. Не свой. Чей-то. Женский? Детский? И всепроникающий, всезаполняющий ужас. Ужас перед бездной.

Он отшатнулся, едва не уронив переплет. Сердце колотилось, как птица в клетке. Ладонь, державшая его, онемела.

Это был не просто предмет. Это была ловушка для души. Контейнер для чьей-то катастрофы.

И Ансельм понял, что женщина была права. Эту книгу не нужно было реставрировать. Её нужно было *прочитать*. Но как прочитать пустоту? Как расшифровать историю, у кото-

рой нет слов?

Ответ был у него. Точнее, на самой дальней, самой высокой полке в глубине мастерской, куда он никогда не заглядывал. Там стоял фолиант в простом кожаном переплете без каких-либо опознавательных знаков. Его личная книга. Его собственная пустота. Он вырвал из нее страницы много лет назад, вырезал воспоминания скальпелем и сжег их в печи. Остался только переплет – тихая усыпальница его прошлого.

Чтобы услышать историю синего переплета, ему придется вспомнить свою. Чтобы вернуть голос другим, нужно обрести свой. Пусть даже этот голос будет полон боли.

Он медленно поднял голову и посмотрел на ту самую полку. Дождь продолжал стучать в окно. Мастерская, всегда бывшая ему убежищем, внезапно стала клеткой. А этот синий переплет – ключом.

Ключом, который может открыть все двери. И выпустить наружу всех демонов.

Глава 2: Пыль на фолианте

Тишина после ухода женщины была иной. Она не была пустой. Она гудела, как натянутая струна, звучанием той вспышки белого света, того грохота и крика, что Ансельм поймал из синего переплета. Он осторожно, как бомбу, положил его на свой рабочий стол, на мягкий холст, защищающий дерево от царапин. И отступил на шаг, словно ожидая, что переплет взорвется.

Руки дрожали. Он сжал их в кулаки, засунул в карманы фартука. Дрожь была не от страха. Вернее, не только от него. Это был шок от столкновения с концентрированной, неразбавленной эмоцией. За двадцать лет ремесла он встречал грусть, радость, тоску, ярость, впечатанные в страницы. Но всегда это были *отголоски*. Эхо, приглушенное временем и слоями других прикосновений. Здесь же был сам *взрыв*. Первородный катаклизм чувств, застывший в момент пика и законсервированный в коже и дереве.

Он обвел взглядом мастерскую. Стеллажи до потолка, забитые книгами в ожидании ремонта. Пахучие банки с клеем, мотки льняных ниток, стопки бумаги всех оттенков белого и желтого. Его мир. Упорядоченный, понятный, подконтрольный. Этот синий прямоугольник лежал на нем, как черная дыра, нарушающая все законы его вселенной. Он притягивал и отталкивал одновременно.

Его взгляд снова, против воли, уперся в дальнюю верхнюю полку. В тот темный силуэт. Его собственную пустоту. Он не подходил к той полке годами. Сознательно. Путь от рабочего стола до нее занимал ровно семь шагов. Семь шагов через всю мастерскую. Семь шагов в прошлое.

«Нет, – мысленно сказал он себе. – Сначала разберись с этим. С чужим. Прежде чем лезть в свое».

Но как разобраться? Книгу читают со страницы номер один. Здесь же не было страниц. Была... аура. Эмоциональный сгусток. Чтобы его распутать, нужен был якорь. Физический ключ. Возможно, тот, кто принес переплет, знал больше. Но она сказала, что вернется через неделю.

Ансельм вздохнул, снял очки, протер переносицу. Он нуждался в рутинной работе. В простом, механическом действии, которое вернуло бы ему ощущение почвы под ногами. Его взгляд упал на скромный, потрепанный томик в стопке «срочных» заказов. «Стихотворения» Джона Китса, лондонское издание 1820 года. Переплет отходил, несколько страниц выпало. Безличная, стандартная работа. То, что нужно.

Он сел на свой табурет, включил яркую неоновую лампу, и его пальцы, будто сами собой, начали привычный танец: оценка повреждений, аккуратное развязывание старых ниток, очистка корешка от остатков клея. Он погрузился в ритм. Вдох. Выдох. Тонкое лезвие скальпеля, скользящее под старым форзацем. Шуршание щетки с мягкой щетиной. Постепенно дрожь в руках утихла. Мысли встали в очередь,

перестали метаться.

И тогда, почти не осознавая, он начал «слушать» Китса.

Книга была старая, но... спокойная. Она пахла кабинетной пылью, дешевым табаком и легкой грустью. Следов сильных страстей не было. Кто-то давно, может, студент, подчеркивал карандашом строчку из «Оды соловью»: *Fade far away, dissolve, and quite forget...* («Умчись прочь, расточись и позабудь...»). Ансельм почувствовал мимолетную волну юношеского стремления к забвению, к уходу от будничных тягот. Это было знакомо, почти мило. Невинно. После синего переплета это ощущалось как глоток чистой воды после крепкого виски.

Он работал несколько часов, отрешившись от всего. Когда дверной колокольчик снова прозвенел, он вздрогнул, но на сей раз звонок был обычным, житейским.

В мастерскую вошел пожилой мужчина в аккуратном, но поношенном пальто. Он держал в руках небольшую книгу в простом картонном переплете.

– Простите за беспокойство, – сказал мужчина, и в его голосе слышалось образование и усталость. – Мне сказали, вы можете... помочь. Это дневник моей покойной жены. Он рассыпается. А я... я еще не готов его потерять. Совсем.

Ансельм кивнул, указывая на стул. Он отложил Китса в сторону. «Вернуть голос вещам». Слова незнакомки верну-

лись к нему. Вот он, очередной голос, просящий о спасении.

Он взял дневник. Картон был мягким на ощупь, края обложки истрепались до волокон. Книга пахла лавандой и чернилами «фиолетовыми чернилами школьницы». Безопасный, теплый запах.

– Можно? – спросил Ансельм, уже зная ответ.

Старик кивнул, сжав руки на коленях.

Ансельм осторожно открыл первую страницу. Аккуратный, круглый почерк. «1 сентября 1957. Сегодня встретила Сашу на лекции по ботанике. Он подарил мне цветок, похожий на сорняк. Сказал, что это единственное, что выживает в любых условиях. Я рассердилась, но потом засушила его...»

И полилось. Не поток, а ручеек. Светлые, сбивчивые эмоции молодой девушки: смущение, радость, упрямство, первая влюбленность. Ансельм листал страницы, не читая слов, а ловя их эмоциональный отзвук. Рождение детей, переезды, мелкие ссоры и примирения, гордость за мужа, грусть по уходящей молодости... И постепенно, ближе к концу тетради, отзвуки менялись. Появлялась тревога. Сладковатый, лекарственный запах поверх лаванды. Усталость. А потом... тишина. Не пустая, а полная. Тишина принятия и тихой, безграничной грусти на последних, полупустых страницах.

Ансельм закрыл дневник. Он посмотрел на старика. Тот

сидел, уставившись в свои руки, и по его щеке катилась одна-единственная, чистая слеза. Он даже не замечал ее.

– Она была очень жизнерадостной, – тихо сказал старик. – Даже в самые трудные времена.

– Да, – ответил Ансельм. И это была правда. Он это *почувствовал*. – Я смогу укрепить переплет, восстановить корешок. Страницы я почищу и заламинирую тончайшей пленкой. Они не истлеют. Ее слова останутся.

Он не сказал «навсегда». Ничто не бывает навсегда. Но он мог подарить этому воспоминанию еще десятилетия. Или даже век.

– Спасибо, – прошептал старик. – Я зайду через месяц.

Когда мужчина ушел, Ансельм долго сидел, глядя на дневник, а потом на синий переплет, лежащий в двух метрах от него. Два полюса. Одна история – законченная, полная, цельная, как прекрасная мелодия, оборвавшаяся на паузе, но понятная в своей гармонии. Другая – обрубленная, кричащая, взрывная, без начала и без конца. Дневник был книгой жизни. Синий переплет – книгой смерти. Вернее, момента смерти.

Рутинная работа его успокоила. Контакт с простой человеческой драмой вернул ему равновесие. Теперь он мог ду-

мать.

Он встал и подошел к синей загадке. Не прикасаясь к ней, он наклонился и стал рассматривать узор на застёжке. Волны и пламя. Это была не просто абстракция. Стилизация была слишком конкретной. Волны были высокими, гребнистыми, как на старых гравюрах, изображающих шторм. Языки пламени лизали их снизу, будто огонь вырывался из самой пучины. Море и огонь. Противоречие. Катастрофа на воде, связанная с огнем?

Он осторожно открыл застёжку. Механизм поддался с тихим, скрипучим звуком, словно последний вздох. Внутри, на внутренней стороне деревянной доски, было что-то выцарапано. Не вытиснено, а именно процарапано ножом или гвоздем. Буквы были неровными, торопливыми, местами едва читаемыми.

Он поднес переплет к неоновой лампе и стал разбирать надпись.

«...не гаснет... свет...» первая строчка.

«...S...S... “SIREN”...» вторая строчка, и здесь сердце Ансельма екнуло.

«...все... лгут... помни...» и в самом низу, почти у края, смазанная клякса, похожая на след от пальца, и два слова, от которых по спине побежали мурашки:

«...спаси... нас...»

«Сирена». Это было название. Название корабля? Мифического существа?

И тут его сознание, настроенное на «прослушивание» текстов, снова уловило волну. На сей раз не взрыв, а нечто иное. Обрывок мелодии. Женский голос, поющий что-то на незнакомом языке. Пение было красивым, бесконечно печальным и... неестественным. Оно не успокаивало, а звало. Звало в глубину. Это был голос той самой сирены, что манит моряков на скалы.

Мелодия оборвалась так же внезапно, как и началась.

Ансельм отложил переплет. Ему нужно было знать больше. Нужен был контекст. Историческая привязка. У него была неделя до возвращения загадочной женщины. Неделя, чтобы попытаться понять, с чем он имеет дело.

Он подошел к своему компьютеру – единственному современному устройству в мастерской, которое он использовал для каталогизации и редких поисков. Его пальцы, привыкшие к тончайшей бумаге, неуклюже застучали по клавиатуре.

В поисковую строку он ввел: **«Корабль “Сирена” катастрофа пожар».**

Через несколько секунд экран выдал ему несколько ссылок. В основном – на мифы, на современные яхты. Но одна ссылка, из оцифрованного архива старой морской газеты «The Mariner's Chronicle», заставила его замереть.

«ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПАРОХОДА “СИРЕНА”. Все надежды оставлены.»

Дата: **17 октября 1898 года.**

Он щелкнул по ссылке. Статья была короткой, полной тогдашнего пафоса и недосказанности.

«Пароход “Сирена”, совершавший регулярный рейс из Саутгемптона в Нью-Йорк, не прибыл в пункт назначения и не подал сигналов бедствия. Последнее сообщение с борта, принятое телеграфной станцией на Ньюфаундленде, было отрывочным и, по словам оператора, “полным странных помех”. Называются возможные причины: столкновение с айсбергом (хотя в этом районе их не наблюдалось), взрыв в котельном отделении. Среди пассажиров числится несколько видных персон... Поисковые корабли вернулись ни с чем. “Сирена” и 217 душ на борту объявлены потерянными в водах Атлантики. Вечная им память.»

217 душ. 217 историй, оборвавшихся в один миг.

И один пустой переплет, в который, похоже, впиталась память об этом миге.

Ансельм откинулся на спинку стула. Теперь у него было название. Дата. Контур трагедии. Но это порождало еще больше вопросов. Кто процарапал надпись внутри? Почему переплет пуст? Как он связан с кораблем? И главное – что значит «спаси нас»? Души просят о спасении спустя столе-

тие? Или это крик того, кто пытался оставить послание, уже чувствуя приближение конца?

Он посмотрел на полку со своим переплетом. Темный силуэт казался теперь не просто хранилищем его личной боли. Он выглядел как молчаливый свидетель. Как соучастник.

«Чтобы услышать историю синего переплета, ему придется вспомнить свою».

Мысль, посетившая его ранее, вернулась с новой силой. Его история тоже была о потере. О вине. О крике в пустоту, оставшемся без ответа. Была ли в этом связь? Или его дар просто притягивал к себе неупокоенные истории, как магнит железные опилки?

Он не знал ответа. Но он знал, что не может ждать неделю. Он должен действовать. Нужно было найти потомков. Людей, чьи родственники были на том корабле. Или найти другие артефакты с «Сирен». Письма, вещи, фотографии. Физические носители памяти, которые могли бы стать страницами для этого пустого переплета.

Ансельм взял лист бумаги и перо. Он ненавидел клавиатуру для таких дел. Ему нужен был тактильный контакт с мыслью. На чистом листе он вывел:

Архивы. Морские музеи, библиотеки. Списки пассажиров и экипажа «Сирен».

Потомки. Поискать через генеалогические форумы, исторические общества.

Артефакты. Аукционы, антикварные магазины, специа-

лизирующиеся на морской тематике.

Женщина. Кто она? Как она связана с кораблем? Следить за дверью. Быть готовым к ее возвращению.

Последним пунктом, ниже, почти у самого края листа, он написал два слова, глядя на свою дальнюю полку:

Мой переплет. Готов ли я?

Ветер за окном усилился, завывая в трубах. Он принес с собой запах приближающейся грозы. Ансельм подошел к окну и посмотрел на пустынный переулок. Фонарь уже зажегся, отбрасывая тревожные, прыгающие тени.

Мастерская больше не была убежищем. Она стала командным центром для расследования столетней катастрофы. А он, тихий переплетчик, – следователем по делам забытых душ.

Он повернулся к столу, где рядом лежали дневник с запахом лаванды и синий переплет с запахом моря и пепла. Между ними – вся жизнь и вся смерть. И ему предстояло найти тончайшую нить, чтобы сшить их воедино.

Он взял дневник и принялся за работу. Сначала спасти одну историю. Потом разгадать другую. И, возможно, в этом процессе найти ключ к той, что молчала на верхней полке.

Ночь обещала быть долгой. Но для Ансельма ночи всегда были временем самой тонкой, самой важной работы. Когда мир засыпал, просыпалась память. И он был её часовым.

Глава 3: Тишина в архивах

Утро пришло серое и нерешительное, словно стыдилось ночного ливня. Ансельм спал мало и тревожно. Обрывки кошмаров – белый свет на воде, крик, который он не мог локализовать, и мелодия сирены – вились в его сознании, пока он ворочался на узкой койке в маленькой комнатке за мастерской.

Он встал до рассвета, заварил крепкий чай и сел перед компьютером. Синий переплет лежал на столе, накрытый тем же воощенным холстом, будто он боялся, что тот начнет излучать свой ужас в предрассветную темноту.

Работа в тишине утра была продуктивной. Списки пассажиров и экипажа «Сирен» оказалось найти проще, чем он думал. Энтузиасты-историки давно оцифровали газетные вырезки и сохранившиеся корабельные манифесты. На экране выстроился безликий ряд имен: мистеры и миссис, доктора и майоры, гувернантки и коммерсанты. 217 строчек. 217 зачеркнутых жизней.

Ансельм распечатал список. Бумага была современной, гладкой и бездушной. Он взял перо и начал выписывать имена, которые по какой-то причине «цепляли» его внутренний радар, его чутье на истории.

Эмили Вейнрайт, 28 лет. В заметке в газете упоминалось, что она была невестой крупного промышленника из

Бостона и путешествовала со своей матерью, **Гарриет Вейнрайт**.

Доктор Альберт Фрай, 45 лет. Антрополог, возвращавшийся из экспедиции в Египет с коллекцией артефактов.

Капитан Джонатан Хейвлок, 52 года. Опытный моряк с безупречной репутацией.

Лилиан Грей, 19 лет. Сопровождающая (компаньонка) пожилой леди. Сирота.

Мистер Эдгар Стрэттон, юрист. И... сразу после его имени в скобках было примечание: *«сопровождаемый слугой, имя в манифесте не указано»*. Эта строчка заставила Ансельма нахмуриться. Пропущенное имя. Призрак среди призраков.

И еще одно имя, почти в конце списка экипажа: **Мэтью Кроу, корабельный плотник**. К нему не было никаких примечаний, но когда Ансельм прочитал его вслух, на языке остался привкус морской соли и сосновой смолы.

Он отложил перо. С чего начать? С Эмили и её матери? Или с таинственного слуги? Или, может, с капитана?

Его размышления прервал тихий, но настойчивый звук – скребущий, царапающий. Он доносился от входной двери. Не звонок. Словно кто-то осторожно проводил по дереву

ногтем.

Ансельм подошел и открыл дверь.

На пороге никого не было. Он выглянул в переулок – пусто. И уже собирался закрыться, когда взгляд упал на корзину для писем, прибитую сбоку от двери. В ней лежал не конверт, а маленький, свернутый в плотную трубку лист пергамента, перевязанный черной шелковой ленточкой.

Он взял его. Пергамент был старым, гибким, но прочным. На нем не было адреса. Ансельм развязал ленту и развернул свиток.

Это была не записка. Это была карта. Точнее, схема. От руки, чернилами цвета сепии, был нарисован план внутренних помещений... корабля. Ансельм узнал характерную layout парохода конца XIX века: палубы, каюты первого и второго класса, салоны, кают-компания. В нескольких местах стояли крошечные, аккуратные пометки. Возле каюты В-14 (отмеченной как «каюта мисс Э. Вейнрайт») был нарисован крошечный ключ. Возле грузового трюма №3 – символ, напоминающий анкх. А в самом низу карты, в углу, стояли инициалы: **М.К.**

Мэтью Кроу. Корабельный плотник.

Ледяная волна пробежала по спине Ансельма. Это был не архивный документ. Это было послание из прошлого. Нарисованное человеком, который знал корабль как свои пять пальцев. Возможно, тем самым плотником. Но как оно попало сюда? Кто его принес? Та же женщина?

Он осмотрел пергамент при свете лампы. В углу, почти неразличимо, было еще одно изображение – крошечная печать. Оттиск. Он поднес лупу. На печати был изображен все тот же симбиоз волны и пламени, что и на застёжке синего переплета, но окруженный латинской надписью: «**Ignis et Aqua Concordia**» – «Огонь и Вода в Гармонии». Или, если переводить иначе, «В согласии».

Это была не катастрофа. Это был символ. Возможно, общества, клуба, тайного братства.

Головоломка усложнялась с каждой минутой. Ансельм чувствовал себя слепцом, которому в руки дали первый кусочек мозаики, и он на ощупь пытался понять размер и форму целой картины.

Он решил начать с самого осязаемого. С места, где можно было найти следы, не полагаясь на мистику и полуночные послания. С архива городского Морского музея.

Музей располагался в старом портовом складе из красного кирпича. Его залы пахли воском для паркета, сыростью и временем. Ансельм, чувствуя себя чужаком в этом официальном пространстве, разыскал смотрителя архивов – сухую, подтянутую женщину лет шестидесяти по имени Элеонора, чей взгляд за толстыми линзами очков был пронизательным и усталым.

– «Сирена»? – переспросила она, когда Ансельм назвал

причину своего визита. – Опять? Интерес к этой истории вспыхивает раз в десятилетие, как маяк. И так же быстро гаснет. Что именно вас интересует, мистер...?

– Ансельм. Я реставратор. Мне попал в руки один... предмет, возможно, связанный с тем рейсом. Я хотел бы понять контекст.

– Предмет? – Элеонора приподняла бровь. – Большинство предметов с «Сирен» лежат на дне Атлантики. Но что же у вас?

Он не стал показывать ей синий переплет. Вместо этого он осторожно положил на стол распечатанный список пассажиров.

– Я пытаюсь понять, кто были эти люди. Не просто имена. Их истории. Возможно, у вас есть личные дела, письма, что-то, что не попало в газеты.

Элеонора изучала его несколько секунд, затем кивнула.

– У нас есть «Комната памяти». Там собрано то немногое, что родственники передали музею в разное время. Фотографии, несколько писем, отправленных с борта до отплытия, опись груза. Ничего сенсационного. Но можете посмотреть. Правила: перчатки, ничего не выносить, не фотографировать со вспышкой.

Она провела его в небольшое, слабо освещенное помещение с длинными столами и шкафами со стеклянными дверцами. Воздух здесь был особенно густым и неподвижным.

Ансельм надел выданные ему белые хлопковые перчатки, и его мир сузился до тихого гула вентиляции и пылинок, пляшущих в луче настольной лампы.

Он начал с фотографий. Групповой снимок на палубе перед отплытием. Улыбающиеся, полные надежд лица, шляпки дам, уверенные позы мужчин. Он водил пальцем в перчатке по стеклу, останавливаясь на лицах из его списка. Вот она – Эмили Вейнрайт. Молодая, красивая, но в её улыбке, присмотревшись, была тень беспокойства. Рядом с ней – мать, Гарриет, с лицом, вырезанным из камня: строгим, неодобрительным. Вот доктор Фрай – худощавый, с острым, умным взглядом, держащий в руках какую-то шкатулку. Вот капитан Хейвлок – внушительный, с окладистой бородой, но его глаза смотрели куда-то поверх голов фотографа, вдаль, в то будущее, которое для всех них уже стало роковым.

Ансельм закрыл глаза, положив кончики пальцев на фотографию. Он не ожидал сильных ощущений – снимок был копией, массовым продуктом. Но через бумагу и время до него донесся слабый, разноголосый гул. Смех. Нервное ожидание. Запах морского ветра и духоты выступающего пота под тяжелыми костюмами. И ещё... тонкую, как лезвие бритвы, нотку страха. Чей-то? Общий? Он не мог понять.

Он перешел к письмам. Их было немного. Стандартные

открытки с изображением «Сирен», на которых небрежным почерком были нацарапаны фразы: «Дорогая сестра, погода стоит прекрасная, корабль великолепен...», «...скоро буду дома, скучаю ужасно...». Безликая, бытовая, предсмертная повседневность.

И тут его взгляд упал на конверт, выделявшийся среди прочих. Он был нестандартного размера, из плотной, желтоватой бумаги, а адрес был выведен изящным, каллиграфическим почерком черными, до сих пор не поблекшими чернилами:

Мисс Лилиан Грей

Каюта С-9

Пароход «Сирена»

Через королевскую почту Саутгемптона.

Письмо не было отправлено. Оно лежало здесь, в архиве, нераспечатанное, с идеально сохранившейся сургучной печатью. На печати был тот же символ: волна и пламя.

Сердце Ансельма забилося чаще. Лилиан Грей. Компания. Сирота. Кто мог писать ей таким изысканным почерком? И почему письмо не было отправлено? Может, его принесли на корабль, но не успели вручить?

Элеонора, наблюдавшая за ним с другого конца комнаты, заметила его интерес.

– Ах, это, – сказала она, подходя. – Загадочный артефакт. Найден среди вещей одного из выживших.

Ансельм резко обернулся.

– Выживших? В газетах писали, что все погибли.

– Официально – да, – кивнула Элеонора. – Но история всегда имеет задний ход. Один человек сошел с «Сирен» в Саутгемптоне за час до отплытия. По слухам, по приказу капитана. Секретный курьер. Его имя не попало в окончательные списки. Он передал в музей несколько вещей много лет спустя, уже будучи стариком. В том числе это письмо. Сказал, что ему поручили отдать его мисс Грей, но он не смог найти её в последней суматохе. А потом корабль ушел. И... всё.

– Что это был за человек? Где он сейчас?

– Умер, конечно. Лет тридцать назад. Звали его Роберт Грэм. Бывший телеграфист. Весь его архив – вот эти несколько безделушек. Больше ничего.

Ансельм посмотрел на непрочитанное письмо. Оно было тяжелее, чем казалось. В нем была застывшая тайна. Он знал, что не может его вскрыть. Это было против правил. Это

было бы святотатством.

Но он мог попробовать иначе.

– Можно... можно я просто подержу его? – спросил он, и его голос прозвучал странно хрипло.

Элеонора снова пристально посмотрела на него, на его руки в белых перчатках, на его лицо, на котором, должно быть, читалось не просто любопытство, а настоящая, физическая жажда.

– Будьте осторожны, – наконец сказала она. – Минуту.

Ансельм взял конверт. Через тонкую перчатку он почти ничего не чувствовал. Он закрыл глаза, стараясь отсечь все внешние шумы, сфокусироваться на объекте в руках.

Сначала – ничего. Потом, как сквозь толстый слой ваты, до него начали доходить ощущения. Тревога. Нет, сильнее – паника. Руки, дрожащие, запечатывающие конверт. Острый запах чернил и... миндаля? Яда? Нет, это был запах определенных чернил. Срочность. И еще – печаль. Глубокая, беспросветная печаль того, кто пишет, возможно, последнее послание.

И едва уловимый, женский голос, прошептавший слова, которые Ансельм не мог разобрать, но эмоция которых была ясна, как крик: *Прости меня.*

Он открыл глаза. Ладонь под перчаткой была влажной.

– Вы что-то нашли? – спросила Элеонора.

– Нет, – соврал Ансельм, осторожно возвращая письмо на место. – Просто... атмосфера. Благодарю вас.

Он вышел из музея, чувствуя себя опустошенным и переполненным одновременно. У него теперь было имя выжившего: Роберт Грэм. Бывший телеграфист. Возможно, тот самый «секретный курьер». И письмо к Лилиан Грей. Ключ. Один из многих.

На обратном пути в переулке он остановился, почувствовав на себе чей-то взгляд. Он обернулся. В дальнем конце, в глубокой тени арки, стояла фигура в плаще. Не женщина. Мужчина. Высокий, прямая осанка. Он не двигался, просто смотрел. Потом, прежде чем Ансельм успел что-то предпринять, фигура развернулась и исчезла в темноте, словно её и не было.

Кто-то наблюдал за ним. Кто-то знал о его расследовании.

Вернувшись в мастерскую, Ансельм запер дверь на оба замка. Он подошел к столу и снял холст с синего переплета. Он смотрел на него, на процарапанные внутри слова «спаси нас», на узор из волн и пламени.

– Хорошо, – тихо сказал он пустоте. – Я пытаюсь.

Но одной попытки было мало. Ему нужен был проводник. Нужен был кто-то, кто мог бы говорить с миром живых на их языке, пока он, Ансельм, слушал язык мертвых. Ему нужен был исследователь, историк, охотник за деталями.

Он снова сел за компьютер и нашел то, что искал: небольшое, но уважаемое историческое общество, занимавшееся морскими катастрофами. Его главой была доктор Элизабет Шоу. В её профиле значилось: «Специалист по социальной истории трансатлантических путешествий, автор монографии «Голоса из глубин: частная жизнь пассажиров „Титаника“». Она была живым архивом.

Ансельм набрал её адрес и начал писать письмо. Тщательно подбирая слова, не раскрывая всей правды, он рассказал о своем интересе к «Сирене», о некоем «семейном артефакте», связанном с кораблем, и попросил о возможности встретиться и получить профессиональную консультацию.

Отправив письмо, он почувствовал первую за этот день слабую искру чего-то, отдаленно напоминающего надежду. Он был на правильном пути. Пусть тернистом, полном теней и шепотов, но пути.

Вечером, когда стемнело, он впервые за много лет не смог усидеть за обычной работой. Его тянуло к той полке. К его переплету.

Он встал и медленно, как на эшафот, сделал те самые семь шагов. Пыль на верхней полке лежала нетронутым бархатным слоем. Его фолиант стоял немного криво, корешком к стене. Ансельм протянул руку, потом замер. Ему показалось, что от переплета исходит тихое, едва слышное жужжание. Как шум ракушки, приложенной к уху. Шум его собственного забытого моря.

Он не взял его. Не сегодня. Сегодня он собрал достаточно чужих воспоминаний. Его собственная бездна могла подождать.

Но когда он лег спать, мелодия сирены вернулась. На этот раз она была громче. И в ней слышались не только печаль и зов, но и ярость. Немая, всесокрушающая ярость обманутых и преданных.

Во сне Ансельм увидел себя стоящим на палубе тонущего корабля. В руках он держал не синий переплет, а свой собственный, темный. И страницы в нем не были пусты. Они были заполнены одним словом, снова и снова, написанным его почерком: **«ВИНОВАТ»**.

Он проснулся с этим словом на губах, в ледящем поту, под аккомпанемент завывающего в трубах ветра. За окном бушевала настоящая буря. Атлантическая буря, пришедшая с запада, со стороны тех самых вод, где навсегда замолчала «Сирена».

Расследование только начиналось. И океан памяти, похоже, был готов выплеснуться на берег его тихой жизни.

Глава 4: Доктор Шоу и хронометр лжи

Ответ от доктора Элизабет Шоу пришел быстрее, чем Ансельм осмеливался надеяться. Всего через день в его почтовом ящике лежал конверт из плотной, кремовой бумаги с элегантным логотипом исторического общества. Почерк был четким, энергичным.

«Уважаемый господин Ансельм,

Ваше письмо заинтриговало. «Сирена» – тема, оставляющая больше вопросов, чем ответов, что, признаться, является для историка одновременно проклятием и благословением. Я буду рада встретиться и обсудить ваш «семейный артефакт». Предлагаю завтра, в четверг, в 15:00 в читальном зале нашего Общества (адрес ниже). Будьте так любезны, прихватите его с собой, если это возможно. Уверена, предметы говорят громче документов.

С уважением,

Др. Элизабет Шоу.»

Он почти физически ощущал её любопытство, пробивающееся сквозь строки. Она не просто соглашалась – она жаж-

дала. Его предостерегала внутренняя осторожность: показывать синий переплет незнакомцу? Но её репутация была безупречной, а её знания могли быть бесценными. И фраза «предметы говорят громче документов» показалась ему паролем, знаком того, что она мыслит сходным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.